

Перейдем к делу.

— Ме-фэй, ты еще помнишь о том возмещении ущерба? — спросил император.

— Помню. — Некоторые вещи Ме-фэй, разумеется, были ясны. Например, то, что Хуа Жолянь тайком покидала дворец. Подумав, она решила, что та наверняка уже получила Короля фонарей. Побег из дворца был обставлен безупречно, а если где-то и остались огрехи, она сама их подчистит.

Лишь потому, что Хуа Жолянь была дочерью того человека. Столь же ослепительно прекрасна, но... В беседке поднялся ветер, взметнув подол платья Ме-фэй. Грубо сработанный ароматический мешочек на ее поясе казался таким неуместным на фоне роскошного наряда.

— Хунъянь.

Хунъянь передала Короля фонарей Хуа Жолянь и молча отступила.

При дневном свете можно было рассмотреть фонарь во всех деталях: тонкая работа, реалистичные пейзажи. И вот этот символ почета для литераторов достался воину. Гун Юньшу, ты и впрямь удивительна.

С некоторым сожалением она протянула фонарь Ме-фэй. Та не приняла его:

— Этот фонарь принадлежит тебе, сбереги его. — При мысли о чем-то далеком в глазах наложницы промелькнула боль. То, что принадлежало ей самой, давно кануло в Лету.

— Ме-фэй... тебе тоже нужно беречь себя. — Заметив боль в глазах женщины, Хуа Жолянь пошла ей навстречу и спрятала фонарь. Подумав, что ее присутствие лишь тревожит собеседницу, она нашла предлог, чтобы уйти.

Когда она удалилась, Ме-фэй снова осталась одна. Она села на каменную скамью, но сил играть на цитре уже не было.

На том празднике фонарей много лет назад, кто в кого врезался? Кто нарушил чей покой на всю жизнь?

— Прошу прощения, я вас задела, — тихо произнесла та, чьи глаза были полны лишь образа Цинь Цзыцинью.

— Ничего страшного, — Цинь Цзыцинью отряхнула пыль с одежды. Ее взгляд упал на Короля фонарей. Позапрошлый год он достался Цзюнь Жаньшуан, и та долго еще хвасталась перед ней. В этом году она во что бы то ни стало должна получить этот фонарь.

— Глядя на вас, девушка, я понимаю, что вы хотите заполучить этот фонарь?

— Да, и я обязана его получить.

— Вот как? — В глазах Фэн Вэйси промелькнула улыбка. — Может, я помогу вам выиграть его в знак извинения?

— Это... если считаете, что справитесь, попробуйте.

Никто не ожидал, что Фэн Вэйси победит, но она победила.

— Девушка, вот, возьмите. Меня зовут Фэн Вэйси. А вас?

— Цинь Цзыцзинь.

— Зеленые твои одежды, в сердце моем тоска... Прекрасное имя, да и сама ты так хороша, что глаз не отвести.

В тот вечер под луной Фэн Вэйси улыбнулась, и вся весенняя красота померкла перед ней. Ошиблась сердцем, поранила душу. Все бури и невзгоды пронесли в одно мгновение.

Тогдашняя Су Цзыцзинь, нынешняя Ме-фэй — разве можно выразить словами всю горечь, что она испытала? Все давно изменилось, люди стали чужими, и прежде чем успеешь заговорить, слезы уже текут рекой. Глядя вдаль, Ме-фэй прошептала:

— Это рок. Вэйси, твоя дочь тоже встретила свой рок... — Остальные слова развеял ветер.

Кап. На струны цитры упала слеза, расцветая на них цветком.

Под пронзительные крики евнухов император Вэнь вошел в зал Чунхуа. Увидев персиковые деревья, все еще цветущие в беседке, он на мгновение замер. Если бы тот человек был еще жив...

— Отец-император. — Хуа Жоляннь плавно вышла из дворца и поклонилась.

— Лянь-эр, не нужно церемоний.

— Слушаюсь... — Она прервалась на легкий кашель. Хуа Жоляннь ждала, что император скажет дальше, размышляя о цели его визита.

Император Вэнь не стал ходить вокруг да около:

— У меня есть два дела, которые нужно обсудить с тобой. — Хотя он назвал это обсуждением, в его тоне слышалось непрекращаемое величие правителя. — В следующем месяце тебе исполняется двадцать. Жить в покоях твоей матери... покойной императрицы, не подобает по правилам. Резиденция принцессы за пределами дворца уже готова, пора переезжать.

В глазах Хуа Жоляннь мелькнуло понимание. Так спешно выселить ее из дворца Чунхуа — вероятно, Ме-фэй станет следующей хозяйкой этих покоев. Она покорно ответила:

— Я во всем подчинюсь воле отца.

— Превосходно! — Император Вэнь улыбнулся. Фэн Вэйси, если бы ты в свое время была так же послушна, как твоя дочь, мне не пришлось бы забывать о старой привязанности. Эта женщина навсегда осталась занозой в его сердце. При мысли о ней взгляд императора холодел.

— Второе дело: маршал Гун через два дня возвращается в столицу. Она — сановник, а также твоя будущая супруга. Я подумал и решил, что будет лучше, если ты встретишь ее.

Хуа Жоляннь и Гун Юньшу уже были помолвлены. Если Жоляннь отправится встречать ее, это не повредит, а лишь укрепит их союз. К тому же Жоляннь — принцесса от законной жены, ее присутствие покажет, как высоко император ценит таланты. Этот ход был безупречен.

Сказав всё, что нужно, император Вэнь обменялся парой вежливых фраз и направился к дворцу Юйсю.

Белые облака в небе то собирались, то рассеивались, гонимые ветром. Взгляд Хуа Жоляннь стал глубоким. В этих дворцовых стенах редко увидишь такие чистые облака. Она улыбнулась.

— Гун Юньшу, мы снова увидимся.

Сегодня утром при дворе произошло важное событие. Император Вэнь позволил Гун Юньшу въехать в город через ворота Чжуцюэ. Что это значило? Столичные ворота делятся на Чжуцюэ, Цинлун, Байху и Сюаньху, расположенные по четырем сторонам света. Обычно открыты лишь ворота Сюаньху и Байху, а Цинлун предназначены исключительно для членов императорской семьи.

Ворота Чжуцюэ открывались лишь однажды — когда с победой вернулся прежний маршал Цзян И. Теперь через них предстояло въехать Гун Юньшу. Придворные сановники принялись судачить. Такую честь не каждый может вынести. Мало кто мог разгадать замыслы императора.

Дворцовые интриги мало волновали простых горожан. Узнав, что возвращается Нефритовый маршал Гун Юньшу, множество юных дев принялись ночами напролет шить ароматические

мешочки, чтобы на рассвете занять удачное место и увидеть своего кумира. Юноши, глядя, как их возлюбленные корпят над подарками для другой, с тоской пили холодное вино. Амбициозные люди мечтали познакомиться с маршалом, а герои — сразиться с ней.

Словом, город бурлил. На рассвете у ворот Чжуцзюэ яблоку негде было упасть.

На следующий день ворота медленно отворились. Гун Юньшу на белом коне улыбалась, и солнце играло на ее лице, согревая теплым светом. Вдали Хуа Жолян, чьи глаза сияли, невольно улыбнулась: этот человек станет ее мужем. Она взялась за поводья, собираясь выехать навстречу, но, сделав несколько шагов, конь остановился.

Она с интересом наблюдала за происходящим.

Множество юных девушек, краснея, сжимали в руках собственноручно вышитые мешочки, мечтая вручить их Гун Юньшу. Но все понимали: этот маршал уже помолвлена с принцессой. Оставалось лишь мечтать.

Разумеется, нашлись пара смелых девиц, которые, пренебрегая приличиями, бросили мешочки в сторону Гун Юньшу, надеясь, что та их примет.

Увидев это, Хуа Жолян невольно сжала поводья.

Столкнувшись с неожиданной атакой, Гун Юньшу взлетела с седла, сделала кувырок в воздухе, и ее шелковый плащ, взметнувшись, поймал все мешочки. Еще одно движение — и все подарки вернулись в руки своих владелиц.

Снова оказавшись в седле, она сохранила на своем красивом лице строгое выражение, в котором проступила закаленная в боях властность.

— Армия Чжэньбэй соблюдает строгую дисциплину и не принимает от народа ни единой мелочи. Я, как маршал, не имею права нарушать этот указ.

Внизу воцарилась тишина, сменившаяся бурными аплодисментами. В Новой династии ценили словесность и презирали воинов, считая их грубыми и недалекими. Но слова Гун Юньшу заставили многих изменить мнение. Такое не мог сказать простой вояка. Те, кто считал ее успех случайностью, теперь призадумались.

В числе наблюдателей была и Хуа Жолян. Взмахнув хлыстом, она направила коня к маршалу.

— Но!

Гун Юньшу посмотрела на красавицу перед собой и опешила:

— Это ты...

— Прошло не так много времени, маршал Гун уже не узнает меня? Куда делся прежний пыл?
— Хуа Жоляннь улыбнулась еще шире, глядя на ее растерянное лицо.

— Хуа Жоляннь, — выпалила Гун Юньшу, испугавшись, что забыла имя принцессы.

— Хорошо, что помнишь.

Во дворце, среди павильонов и редких цветов, воины армии Чжэньбэй, привыкшие лишь к желтым пескам северных границ, не могли сдержать восхищения. Но взгляд Гун Юньшу был прикован не к красотам, а к Хуа Жоляннь.

При первой встрече она была в мужском одеянии, подобная нефриту. Теперь же — в женском платье, с волосами, уложенными в изящную прическу, в роскошных дворцовых одеждах, подчеркивающих ее знатность. Жоляннь была необычайно красива, но... фигура ее оставалась такой же хрупкой.

Гун Юньшу вспомнила строки: Слушая порванную струну, что обрывает тысячи уз, падающий цветок тонет в ряби, Хуа Жоляннь, на чьих пальцах ты останешься? Последнюю строчку она прошептала, не в силах сдержать чувств.

Идущая впереди Хуа Жоляннь вздрогнула. В ее глазах промелькнула печаль. Глядя на Гун Юньшу, она размышляла, как лучше использовать ее чувства. Но эмоции быстро исчезли, и она продолжила путь, как ни в чем не бывало.

Император Вэнь щедро наградил воинов, а затем перевел взгляд на Гун Юньшу.

— Маршал Гун, примите указ.

— Я здесь, — Гун Юньшу опустилась на колени. Ей были неприятны взгляды придворных, полные расчета. Она снова вспомнила слова матери: Шу-эр, никогда не води дел с людьми из столицы. Она, казалось, забыла этот наказ, но теперь он всплыл в памяти, вызывая смешанные чувства.

— Маршал Гун, какой награды вы желаете? — Император улыбался, оставаясь загадочным.

Подданные не смели смотреть в глаза государю, и Гун Юньшу не видела глубокого расчета в его взгляде.

Император Вэнь разглядывал коленопреклоненную девушку. Ему было любопытно, чего она попросит. Ты можешь быть Нефритовым маршалом, но ты лишь подданный. Государь приказывает — подданный исполняет. Если она скажет хоть слово не так, император возненавидит ее еще больше. Хуа Жолянй начала беспокоиться, обдумывая, как спасти ее от неминуемого гнева.

— Мне ничего не нужно, — произнесла Гун Юньшу. Весь двор замер в изумлении. Даже император не ожидал такого ответа.

Гун Юньшу горько усмехнулась про себя. Она была женщиной, и единственным ее желанием была месть. Теперь, когда враг повержен, высокие должности и жалование не имели смысла. Остаться при дворе опасно: если ее истинная личность раскроется, последствия будут плачевными.

К тому же, ей предстояло жениться на принцессе. Если она свяжет себя узами брака, то погубит ей всю жизнь.

Она не помнила, сколько крови врагов было на ее руках, и знала, что давно перестала быть добрым человеком, но не могла стать злодеем, разрушающим чужую судьбу.

— Ничего не нужно? Я хочу услышать объяснение. — Император не верил ей.

— Мне не нужны ни высокие посты, ни власть, ни богатство. Я лишь хочу уйти в отставку и вернуться домой.

У некоторых сановников из рук выпали бокалы. Гун Юньшу сошла с ума? Отказаться от власти, которую она добыла ценой жизни на поле боя?

Хуа Жолянй не могла усидеть на месте. Если та уйдет в отставку, их помолвка будет расторгнута. Император никогда не выдаст дочь за бесполезного человека.

С каких пор она, всегда столь равнодушная, начала так переживать?

— Отвечай, почему ты хочешь уйти? Мне нужна веская причина.

Скрывать было нечего. Получив указ о помолвке, она и так собиралась раскрыть свою тайну. Месть совершена, самое худшее, что ее ждет — казнь за обман императора. Зато она сможет поскорее воссоединиться с родителями. В этот момент она случайно взглянула на Хуа Жолянй. На ее прекрасном лице читались тревога и спешка. Неужели это из-за нее?

Хуа Жолянй предчувствовала, что слова Гун Юньшу приведут ее к гибели.

— Потому что я... — на самом деле женщина.

Не успела она договорить, как прибежали евнухи:

— Ваше Величество, принц Жунжань прибыл без приглашения!

Жунжань потерпел поражение и был вынужден платить дань. Внешне они искали мира, но, как говорится, даже худой верблюд больше лошади — их мощь все еще была велика.

К тому же Новая династия потратила все силы на войну, а на юге подняли головы остатки прежнего режима. Вторая война была невозможна.

Принц Жунжаня, прибывший с данью, был размещен в гостевом доме. Император хотел сначала разобраться с армией Чжэньбэй, а потом заняться принцем. Но тот явился сам. Все знали, что Жунжань пал от рук армии Чжэньбэй, поэтому визит принца не предвещал ничего доброго.

Прогнать его — значит нанести оскорбление, что могло привести к новой войне. Император был в ярости. Он не мог позволить Гун Юньшу уйти в отставку — сейчас она была его главным козырем в сдерживании Жунжаня.

— Маршал Гун, встаньте.

— Ваше Величество... — начала Гун Юньшу.

— Впустите принца Жунжаня, — перебил ее император.

Командиры армии Чжэньбэй вскипели:

— Этот принц Жунжаня — его нужно казнить!

Император посмотрел на Гун Юньшу, намекая, чтобы она уняла своих людей. Она повернулась и жестом приказала им молчать. Император прищурился.

— Кто это собрался казнить меня? — В зал вошел принц Абдул-Муиз, одетый в волчьи шкуры. Его смуглая шея была украшена костями животных, а левая рука обнажала совершенные линии мышц.

Он окинул зал диким взглядом, который остановился на Хуа Жолянь. Она ответила ему спокойной улыбкой.

Принц усмехнулся и посмотрел на императора. Он не стал совершать ханьский поклон, а лишь приложил правую руку к груди и слегка поклонился по обычаю Жунжания.

— В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Неужели принцу Жунжания подобает так приветствовать нашего императора? — Левый министр, старый, но утонченный, погладил свою длинную бороду.

Абдул рассмеялся:

— Ваш император молчит, а ты, старый пес, смеешь открывать рот? — Он снова обвел взглядом присутствующих и, увидев Гун Юньшу, просиял. — Я кланяюсь лишь тем, кто смог победить меня. Думаю, только маршал Гун достойна моего поклона.

Вспоминая былое, Абдул был вынужден признать ее силу. Но эти слова поставили Гун Юньшу в опасное положение. Все взгляды устремились на нее. Она понимала, что одно неверное слово — и она погибнет, а вместе с ней и вся ее армия.

Это был вызов авторитету императора.

Она невольно посмотрела на Хуа Жолян. Та произнесла одно слово, и хотя Гун Юньшу не услышала звука, по форме губ она поняла: «Встань на колени». Она мгновенно сообразила, что к чему, и, выйдя вперед, опустилась перед императором:

— Я кланяюсь лишь перед Вашим Величеством.

Абдул хотел поклониться ей, а она поклонилась императору. Этот жест вернул государю его достоинство. Император слегка кивнул:

— Встаньте.

Все казалось спокойным, но это был лишь затишье перед бурей.

Абдул перешел к делу:

— Я привез дань: пятьсот ахалтекинских скакунов и пятьдесят возов золота и драгоценностей.

Император должен был ответить дарами, чтобы сохранить лицо великой державы.

— Мне не нужны эти вещи, — с пренебрежением бросил Абдул.

Император сжал кулаки. Этот принц стал для него бельмом в глазу. Но он не мог показать гнев.

— Скажи мне, чего же ты хочешь?

— Того, чего Вы, Ваше Величество, боюсь, дать не сможете. — Принц был мастерски знаком с военными хитростями и решил применить тактику «отступить, чтобы захватить».

— Нет ничего, чего я не мог бы дать! — в ярости воскликнул император, не задумываясь о последствиях своих слов.

<http://bllate.org/book/19781/1949204>